

ЧОУ ВО «САМАРСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В СОЗНАНИИ И ЯЗЫКЕ

Международный сборник научных трудов
по лингвокультурологии

САМАРА
2015

УДК 81'42

ББК 81

К 90

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Самарской гуманитарной академии

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор

Ю. В. Сложеникина

доктор филологических наук, профессор

В. Д. Шевченко

Редакционная коллегия:

доктор педагогических наук, профессор **М. А. Гаврилина** (Латвия);

доктор филологических наук, доцент **Т. Георгиева** (Болгария);

кандидат филологических наук, доцент **С. П. Гирияк** (Украина);

доктор гуманитарных наук, доцент **Х. Кудлинська** (Польша);

доктор филологических наук, профессор **В. В. Михайленко** (Украина);

доктор филологических наук, профессор **М. В. Радченко** (Хорватия);

доктор филологических наук, профессор **Е. Е. Стефанский**, *отв. редактор* (Россия).

Культурные коды в сознании и языке: международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / под ред. Е. Е. Стефанского. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2015. — 232 с.

ISBN 978-5-98996-167-2

В сборнике представлены статьи филологов из Белоруссии, Болгарии, Германии, Польши, России, Сербии, Украины, Хорватии, представляющих более 20 вузов и академических институтов.

Антропоцентрический подход к исследованию формы и семантики разных языков методологически объединяет разноаспектные исследования, позволяя авторам выйти на такие мировоззренческие проблемы, как картина мира в сознании и в языке; отражение в языке древнейших ментальных структур; формирование в языковом сознании различных народов ключевых идей, отражающих национальный менталитет; гендерные различия, проявляющиеся в разных языках; роль игровой функции языка в современном сознании. Результаты таких исследований находят применение в лингводидактике, лексикографии, повседневной практике межличностного и межкультурного общения.

УДК 81'42

ББК 81

ISBN 978-5-98996-167-2

© ЧОУ ВО «СаГА», 2015

Код
логии. По
мира, ста
ет код ку
оключаю
культуры
пическим
О. А
риц», в ю
и предпо
риц» нац
из того, ч
ственные
го мышле
Есте
культуры
национал
Вни
разных на
по своей
десятью
гуманита

¹ Гуд
рю. М. : Г.

² Крс
С. 232-23

³ Кор
тетов. М. :

⁴ См.

межкульту
гуманит. а
трудов по
дискурс -
гии. Сама
сборник и
Картина м
трудов по
тальности
турологии
и культур
Самар. гум
2013. Челс
турологии
методолог
поставите.

VIII. ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Анита Хрняк

Философский факультет Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Женская и мужская сексуальность в зеркале русской и хорватской гендерно маркированной фразеологии¹

Введение. Гендерную проблематику можно считать одной из доминант современной лингвистики, в которой объектом исследования все чаще являются средства и способы вербализации гендера и гендерных отношений. На разных уровнях языка, в том числе и во фразеологии, четко отражается наивная картина мира, в которой, согласно гендерным стереотипам, женщинам и мужчинам приписываются разные личностные и поведенческие характеристики. Поэтому гендерно маркированные фразеологизмы, употребляющиеся преимущественно или исключительно по отношению к референтам одного из двух полов, ясно разоблачают разные стереотипы и устойчивые представления о женщинах и мужчинах, в том числе и те, которые касаются женской и мужской сексуальности как биологическо-психологического феномена. В рамках этой статьи рассматривается ряд гендерно маркированных фразеологизмов с целью проанализировать способы фразеологической вербализации гендерных отношений и определения ряда устойчивых представлений и стереотипов о сексуальности женщин и мужчин в языковой картине мира русских и хорватов.

Сексуальность в славянских культурах. До появления и принятия христианства древние славяне относились довольно свободно к проявлениям телесности и сексуальности. Такое отношение к сексуальности происходило прямо из самого смысла язычества, который заключался в обожании природы, причем человеческая плодovitость и плодородие земли имели в сознании древних славян самую тесную связь. С приходом западного и восточного христианства следы язычества быстро исчезли из славянских культур, а формирование представлений о допустимом и неприемлемом происходило во многом в тесной связи с христианскими требованиями о нравственности, причем целомудрие и сексуальная сдержанность рассматривались как путь к спасению и являлись одними из важнейших добродетелей (Володина 2007: 521). Левина отмечает, что в традиционном восточно-славянском обществе сексуальные отношения имели исключительно репродуктивную функцию, а поиск сексуального удовлетворения «в лучшем случае клеймился как эгоистичный, в худшем — как сатаническое наущение» (Левина 1999: 318). В последние два десятилетия в хорватскую и русскую культуры постепенно проникает новый, более свободный взгляд на человеческую сексуальность, но следы старых консервативных мировоззрений,

¹ Эта статья написана в рамках научного проекта „Application of phraseological theory in phraseography»(4054), финансируемого фондом „Hrvatska zaklada za znanost“.

устойчивых представлений и гендерных стереотипов все ещё видны на разных уровнях обоих языков, в том числе и на фразеологическом.

Хорватские и русские гендерно маркированные фразеологизмы, относящиеся к сексуальности. Хорватские и русские гендерно маркированные фразеологизмы, относящиеся к сексуальности, разоблачают не только общие устойчивые представления о человеческой сексуальности, присущие русской и хорватской культурам, но и гендерные стереотипы, зафиксированные в анализируемых языках. Фразеологизмы, анализируемые в этой статье, можно разелить на три семантические группы: фразеологизмы, относящиеся к развращенности, фразеологизмы, отображающие прелюбодеяние, и фразеологизмы, описывающие отказ от половых отношений. Отдельно можно рассматривать и ряд фразеологизмов, которые лишь опосредованно связаны с женской сексуальностью.

Фразеологизмы, относящиеся к развращенности. В этой группе приведены русские и хорватские гендерно маркированные фразеологизмы, описывающие похотливых людей и их сексуальную развращенность. Данные фразеологизмы полностью гендерно ограничены в употреблении, т. е. относятся исключительно к референтам одного из двух полов.

К референтам-женщинам относится ряд фразеологизмов, которые подчеркивают с отрицательной коннотацией излишне свободное сексуальное поведение. Во фразеологизмах, относящихся к беспорядочной в сексуальной жизни женщине, вступающей в половую связь со многими партнерами, четко проявляется осуждение такого распутного поведения. Фразеологизм *ходить (бегать) по мужикам* описывает поведение женщины, которая постоянно ходит от одного мужчины к другому, а образ в глубинной структуре фразеологизма *пойти по рукам* при помощи метонимии соотносит руки с мужчинами и имплицитно намекает на то, что распутная женщина становится объектом манипуляции в руках мужчины. В хорватском фразеологизме *laka roba* наблюдается подобная метафора, отождествляющая развратную женщину с неживым предметом, которым может располагать каждый мужчина. Подобную мотивацию фразеологического значения находим и во фразеологизме *laka žena*, в котором прилагательное в качестве компонента указывает на то, что женщина, к которой относится этот фразеологизм, охотно и легко вступает в половые отношения. Метафорическое отождествление женщины с неживым предметом отмечается и в русском фразеологизме *негде пробы ставить* на ком, образная составляющая которого относится к золотой вещи, переходящей от одного хозяина к другому. Дело в том, что каждый новый хозяин требовал проверить изделие у ювелира и поставить пробу, а когда изделие побывало во многих руках, на нем уже не оставалось места для пробы (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 474). В значении и образной основе всех вышеприведенных фразеологизмов можно отметить лингвокультурологическую тенденцию стереотипного позиционирования женщины как собственности мужчины. Крайне развращенную, распутную женщину обозначает и фразеологизм библейского происхождения *блудница вавилонская*. Прилагательное в составе фразеологизма объясняется тем, что город Вавилон во время составления библейских текстов воспринимался христианами как символ духовного разврата и средоточие всякого рода пороков. Чрезмерную похотливость и распутство женщины описывают и фразеологизмы *блудливая как кошка* и *как блудливая кошка*, основанные на сравнении с кошкой, животным, которому стереотипно приписывается излишняя половая активность. Русские фразеоло-

гизм
обра:
шин

ных
риче
русс
живс
альн
твори
же я
218)
всегд
на с:
нута
нота
разв
кот,
акти
товс
март
стве:
инте
кобе
чрез
вной
язык
мета
ских
ност
логи
а за
Русс
ном:
чин

наст
ком
жен
скої
упо:
кон:
фра
ние
скої

что

гизмы *трепать юбки* и *трепать подол*, относящиеся к аморальному, распутному образу жизни женщины, основываются на метонимическом представлении женщины посредством названий типичной женской одежды или ее части.

К референтам-мужчинам относится ряд русских и хорватских субстантивных фразеологизмов, описывающих похотливых, распутных мужчин. Метафорическое отождествление блудливого пожилого мужчины с козлом присуще и русской, и хорватской фразеологии — *старый козел*, *stari jarac*, *stari prui*. Это животное еще с античных времен в наивной картине мира связывалось с сексуальной развращенностью и похотливостью, из-за чего стало символом плодотворной силы природы в дионисийских культах, а в христианской традиции то же животное символизирует блудника и грешника (Chevalier, Gheerbrant 1987: 218). Особенность приведенных фразеологизмов заключается в том, что они всегда употребляются по отношению к пожилым мужчинам, которые, несмотря на свой возраст, связывающийся со сниженной половой активностью, проникнуты похотью. Поэтому у них присутствует ярко выраженная ироническая коннотация. В русских сравнительных фразеологизмах, относящихся к распутному, развращенному мужчине, в качестве второго члена сравнения часто выступает и кот, животное, характеризуемое в наивной картине мира излишней половой активностью — *блудливый (похотливый) как кот*, *как блудливый кот*, *как мартовский кот*. Особенно интересна образная составляющая фразеологизма *как мартовский кот*, так как в нем наблюдается устойчивое представление, свойственное именно русской лингвокультуре, согласно которому кошки наиболее интенсивно спариваются в марте². В русских фразеологизмах *как жеребец* и *как кобель* распущенное поведение мужчины тоже представлено как следствие чрезмерной похотливости при помощи сравнения с животными, которым в наивной картине мира приписывается подчеркнутая сексуальность. В хорватском языке похотливый мужчина, часто меняющий сексуальных партнеров, в процессе метафорического переосмысления отождествляется с быком, который в славянских народных традициях считается носителем принципа мужской плодотворности (СД1: 272) — *seoski bik*, *rasplodni bik*. За первым из приведенных фразеологизмов наблюдается образ деревенского быка, оплодотворяющего всех коров, а за другим — образ быка, разводимого исключительно с целью размножения. Русский фразеологизм *трясти штанами*, относящийся к аморальному, распутному образу жизни мужчины, основан на метонимическом представлении мужчины посредством названия типичной мужской одежды.

Фразеологизмы, отображающие прелюбодеяние. Русский фразеологизм *наставлять/наставить рога* кому <с кем> и хорватский *nabijati/nabiti rogove* кому <с kim> в словарях фиксируются со значением, относящимся к неверной женщине, изменяющей своему мужу, т. е. подчеркивается, что речь идет о плотской неверности жены в супружестве. Однако, многочисленные примеры их употребления доказывают, что данные фразеологизмы можно использовать и в контексте неверности во внебрачных любовных отношениях. Такое расширение фразеологического значения отражает нестереотипное современное представление о приравниванию внебрачных связей к супружеству, свойственное как русской, так и хорватской культурам. Однако для значения приведенных фразеоло-

² В хорватской лингвокультуре обнаруживается устойчивое представление о том, что февраль — месяц самой интенсивной сексуальной активности кошек.

гизмов более важным является представление о моногамности, определяющей и супружество и внебрачные любовные связи. Нарушение правил сексуального поведения, свойственных моногамным отношениям, считается нежелательным и недопустимым, причем подразумевается, что женская неверность позорит мужчину и считается «предательством», так что данные фразеологизмы имеют иронический, насмешливый оттенок и употребляются с ярко выраженной неодобрительной коннотацией. Общая образная составляющая, изображающая мужчину с рогами, является довольно неразборчивой, а существует несколько разных предположений о этимологии фразеологизмов, в глубинной структуре которых находим такой образ. Раскрывая исходный образ фразеологизма *наставлять/наставить рога* кому <с кем> большинство исследователей русской фразеологии утверждает, что речь идет о заимствовании из немецкого языка, причем рога на голове мужчины можно соотнести с военным снаряжением древних германцев — шлемом с рогами, который жена надевала на голову мужу, провожая его на войну. Другие считают, что фразеологизм попал в русский язык через посредство греческого или французского языков, подчеркивая, что византийский император Андроник Комнин разрешал мужьям тех женщин, с которыми имел любовные связи, охотиться в его зверинце, а на воротах тех, кто имел такое преимущество, выставлялись олени рога. Поэтому о таком человеке шутя говорили, что у него рога на лбу (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 493). Надо заметить, что русский фразеологизм *наставлять/наставить рога* кому <с кем> нельзя считать полностью гендерно ограниченным на референта-женщину, так как его принято употреблять и в другом значении, которое относится к мужчине, вступающем в сексуальные отношения с женой или любовницей другого мужчины. Такую же образную основу наблюдаем и во фразеологизме *муж-рогоносец*, касающемся мужчины, которому изменяет жена. Интересно отметить, что семантика фразеологизма *наставлять/наставить рога* кому <с кем> подтверждает гипотезу Першая, который, обсуждая проявление сексуальной инициативы по данным фразеологии, отмечает, что вовлечение чужих жен и мужей в половую связь нацелено на утверждение отношений между мужчинами, а женщина исключается из этого дискурса и является лишь средством для выяснения этих отношений (Першая 2014: 126).

В хорватском языке к референту-мужчине относится фразеологизм *cmogorski kum*, употребляемый в случаях, когда с ироническим оттенком говорится о мужчине, вступающем в половую связь с женой или любовницей своего друга. Данный фразеологизм характерен прежде всего для разговорной речи, а в его глубинной структуре обнаруживается обычай, который в прошлом существовал в свадебных традициях черногорцев. Утром после первой брачной ночи молодоженов принято было показать перед всеми кровавую простыню как доказательство невинности невесты. В случаях, когда жениху из-за пьянства или по какой-то другой причине не удалось сделать того, чего от него ожидалось, в его роли выступал шафер с целью сохранить честь жениха, невесты и семьи невесты. Принято считать, что последний случай таких отношений отмечен в 1896-ом году на свадьбе Елены, дочери черногорского короля Николая Первого, и итальянского короля Эммануэля III. Савойского. Приведенный фразеологизм раскрывает два консервативных, традиционных гендерных стереотипа. С одной стороны, фразеологизм свидетельствует о представлении о невинности невесты как критерия, определяющего степень честности и порядочности молодой женщины,

при
ше
жи
фр
ко
но
ти

ги:
ру
ру
ол
ва
го
ги
от

В
ва
ту
ке

ср
ср
п]
не
ср
ср
н
н
д

с
Е
н
в
т
е
г
с
г
с
г
:

определяющей и
вил сексуального
нежелательным и
ть позорит мужч
измы имеют про
аженной исодоб
жающая мужчи
есколько разных
руктуре которых
ма *наставлять*/
сской фразеоло
языка, причем
жением древних
ву мужу, прово
в русский язык
ивая, что визан
нщин, с которы
их тех, кто имел
и человеку шутя
1998: 493). Надо
а кому <с кем>
га-женщину, так
сится к мужчи
вницей другого
ологизме *муж*
ресно отметить,
у <с кем> под
уальной иници
жен и мужей в
счинами, а жен
для выяснения

ологизм *stogorski*
ом говорится о
ий своего друга.
й речи, а в его
ом существовал
й ночи молодо
как доказатель
и или по какой
ось, в его роли
семьи невесты.
чен в 1896-ом
рвого, и италья
еологизм рас
а. С одной сто
ти невесты как
дой женщины,

причем потерю девственности до свадьбы «можно интерпретировать как нарушение одним мужчиной права на обладание телом женщины, которая принадлежит другому мужчине» (Коллинз *цит. по* Першай 2014: 130). С другой стороны, фразеологизм *stogorski kum* имеет скорее ироническую, чем неодобрительную коннотацию, потому что представление о допустимом и приемлемом сексуальном поведении мужчины подразумевает сексуальную активность и вне «легитимной» любовной связи.

Фразеологизмы, описывающие отказ от половых отношений. Фразеологизмы, относящиеся к человеку, отказывающемуся от половых отношений, обнаруживаются в обоих анализируемых языках. К референту-мужчине относится русский фразеологизм *жить как монах*, а к референту-женщине русский фразеологизм *жить как монахиня* и его хорватский структурно-семантический эквивалент *živjeti kao opatica*. В данных фразеологизмах жизнь сексуально неактивного человека шутливо сравнивается с жизнью монахов и монахинь, членов религиозной общины, которые в соответствии с обетом ведут аскетическую жизнь и отказываются от телесных удовольствий, в том числе и половых отношений.

Фразеологизмы, опосредованно связанные с женской сексуальностью. В русском и хорватском языках существует и ряд фразеологизмов, опосредованно связанных с женской сексуальностью. Их можно разделить на две семантические группы: фразеологизмы, называющие проституток, и фразеологизмы, касающиеся внебрачной беременности.

Фразеология обоих языков богата фразеологизмами, маркирующими женскую проституцию. Оказание сексуальных услуг за плату в большинстве культур считается морально недопустимым и общественно неприемлемым, но история проституции, хотя и стигматизированной, охватывает все древние и современные культуры. Большинство фразеологизмов, называющих проституток, является эвфемизмами названия этой табуизированной профессии (рус. *дама из Амстердама, дама полусвета, дама с камелиями, жрица Венеры, ночная бабочка, представительница древнейшей профессии*; хорв. *kraljica noći, prijateljica noći*), но есть и те фразеологизмы, в которых четко отмечается представление о безнравственности, нечестивости и грешности женщины, продающей свое тело за деньги (рус. *женщина легкого поведения*; хорв. *žena lakog (sumnjivog) morala*).

Особую группу фразеологизмов, опосредованно связанных с женской сексуальностью, составляют фразеологизмы, касающиеся внебрачной беременности. В то время как фразеологизмы, описывающие беременность замужней женщины, имеют нейтральный характер и имплицитно указывают на приемлемость и важность этого состояния, фразеологизмы, касающиеся внебрачной беременности, подчеркивают отрицательное отношение общества к женщине, ожидающей внебрачного ребенка. Хотя беременность в русской и хорватской культурах воспринимается положительно как продолжение рода, внебрачная беременность рассматривается как своеобразное последствие «нелегитимной» сексуальной активности, а фразеологизмы, описывающие такое состояние, маркируются как просторечные, предосудительные, неодобрительные (Першай 2014: 133). Клеймо позора, связанное с внебрачной беременностью, видно в иронической и насмешливой коннотации фразеологизмов и их шутливой мотивации. К женщине, забеременевшей вне брака, относятся русские фразеологизмы *ветром надуло* и *гороху обфелась*. В первом из них образная составляющая шутливо намекает на то, что женщина зачала без сексуальных отношений с мужчиной, а живот у нее

надулся от ветра. Похожую, шуточную семантическую мотивацию наблюдаем и во фразеологизме *гороху объелась*, построенном на имплицитном образе большого беременного живота, как будто надувшегося от чрезмерного потребления гороха. Данный фразеологизм можно соотнести и с мотивом непорочного зачатия, который часто встречается в славянском фольклоре. В славянских сказках нередко встречаем различные виды чудесного зачатия: от съеденного плода или ягоды, яблока, особенно часто — гороха (СД II: 284). В хорватском языке к женщине, забеременевшей во внебрачных отношениях, относится фразеологизм *uhvatiti zeca*. Шутливый образ женщины, поймавшей зайца, также можно рассматривать в контексте славянской символики этого животного, которое представляет собой олицетворение плодородного начала (СД II: 285).

Заключение. Сопоставительный анализ хорватских и русских гендерно маркированных фразеологизмов, относящихся к сексуальности, демонстрирует большие сходства между русскими и хорватскими культурными представлениями и гендерными стереотипами о сексуальности мужчин и женщин. Хотя в обеих лингвокультурах существуют представления о похотливости и разных формах ее проявления как нормальной части жизни мужчин и женщин, невозможно не заметить, что при оценке мужской и женской сексуальности существуют двойные стандарты. Фразеологизмы, касающиеся распутства и аморального образа жизни женщины, употребляются с более ярко выраженной отрицательной коннотацией, чем фразеологизмы того же значения, относящиеся к референту-мужчине, сопровождаемые скорее ироничной, чем неодобрительной коннотацией. Хотя отношения в браке и любовных связях строго нормированы и определены представлением о моногамности, регламентированность количества половых партнеров видима прежде всего во фразеологизмах, описывающих женскую сексуальность. Осуждение женщины, вступающей в половые отношения больше чем с одним партнером, очевидно и во фразеологизмах, дающих оценочную характеристику внебрачной беременности как своеобразного последствия «нелегитимной» сексуальной активности. Изучая гендерную фразеологию, А. Першай отмечает определенные гендерные стереотипы, которые видны и во фразеологизмах, представленных и проанализированных и в этой статье. Как в русских, так и в хорватских гендерно маркированных фразеологизмах иллюстрируется исключительно отрицательное отношение к проявлению сексуальной инициативы женщины. В анализируемых фразеологизмах отражается и тенденция выяснения отношений при прелюбодеянии на уровне двух мужчин, причем женщина исключается из данного дискурса. Таким способом измена со стороны женщины расценивается как предательство, в то время как внебрачная связь мужчины определяется как обман другого мужа, что эмоционально оценивается «мягче» (Першай 2014: 125). Женская и мужская сексуальность, хотя и является прежде всего биологическо-психологическим феноменом, на самом деле регулирует межполовые и социальные отношения. Поэтому традиционные гендерные стереотипы, проявляющиеся в большинстве русских и хорватских фразеологизмов, обсуждаемых в этой статье, подтверждают бесспорную социальную значимость любовных и половых отношений и андроцентричный характер русской и хорватской лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. (1998) *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
2. Володина Т. (2007) „Гулящая“: об одном этнокультурном стереотипе в белорусской традиции, В: Hordy, M., Mokienko, V., Walter, H. (red.) *Język. Człowiek. Dyskurs*, Szczecin: PRINT GROUP Daniel Krzanowski, 520-536.
3. Левина Е. (1999) Секс и общество в мире православных славян, 900-1700. В: Н. Л. (ред.) *«А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X до первая половина XIX в.)*, Москва: Ладомир, 239-492.
4. Першай А. (2014) *Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии*, Вильнюс: Европейский гуманитарный университет.
5. СД1 1995 = *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* (под ред. И. И. Толстого), Т. 1, (1995) Москва: «Международные отношения».
6. СД2 1999 = *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* (под ред. Н.И. Толстого). Т. 2. (1999) Москва: «Международные отношения».
7. Chevalier J., Gheerbrant A. (1987) *Rječnik simbola: mitovi, sni, običaji, geste, oblici, likovi, boje, brojevi*, Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske.

Anita Hrnjak

Ženska i muška seksualnost u ogledalu ruske i hrvatske rodno obilježene frazeologije

Rodno obilježeni frazemi ruskog i hrvatskog jezika koji se odnose na seksualnost pokazuju bitne sličnosti između ruskih i hrvatskih kulturnih predodžbi i rodni stereotipa o ženskoj i muškoj seksualnosti. Iako je u oba jezika prisutno shvaćanje da su pohotnost i njene različite manifestacije prirodni dio čovjekova života, pri ocjeni ženske i muške seksualnosti u frazeologiji je očigledno postojanje dvostrukih standarda. Promiskuitet i razvratnost strože se ocjenjuju kod žena nego kod muškaraca, a frazemi koji se odnose na muškarce upotrebljavaju se češće s ironičnom nego s negativnom konotacijom. U analiziranim frazemima vidljiva je izraženija osuda slobodnog seksualnog ponašanja kod žena: od inicijative pri stupanju u spolne odnose, većeg broja ili učestalog mijenjanja seksualnih partnera, sve do vanbračne trudnoće kao svojevrsne posljedice „nelegitimnih“ spolnih odnosa. Stoga se može zaključiti da tradicionalni rodni stereotipi prisutni u većini analiziranih frazema potvrđuju androcentrični karakter ruske i hrvatske kulture.

Елена Алещенко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)

Сказочный рецепт семейного счастья: отражение представлений о взаимоотношениях мужа и жены в языке русской и болгарской народной сказки

В сказочном фольклоре любой народ выражает свои мечты, фиксирует опыт, пытается объяснить неизведанное, часто пугающее. Появившись с сугубо развлекательной целью, со временем сказки становятся своеобразным наказом